

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
I. МОСКВА, БЛИНЫ И ПРИЗНАКИ ВОЙНЫ С «БОГАМИ».....	8
II. ПУТЕШЕСТВИЕ В ДОНБАСС.....	32
III. ВЕСНА В МОСКВЕ, ГЛУБИННЫЙ НАРОД И ИДЕОЛОГИЯ	49
IV. ПО ТУ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ	82
V. ЧАЙ, СЛАДОСТИ, АПОСТОЛЫ И РУССКИЙ ДУХ В МОНАСТЫРЕ	105
VI. ЛОГОВО ДЬЯВОЛА: «ПОЖАЛУЙСТА, ВЫКЛЮЧИТЕ СВЕТ».....	165
VII. СТРАНА, КОТОРОЙ НЕТ.....	191
VIII. ВОЙНА В ВИШНЕВОМ САДУ	227
IX. ЧТО ОНИ ПЛАНИРУЮТ ДЕЛАТЬ ПОСЛЕ ЗАПАДА.....	260
X. ПОВСТАНЦЫ У ВОРОТ МОСКВЫ.....	292
XI. АНГЕЛЫ, ДЕМОНЫ И ГЕОПОЛИТИКА.....	301
XII. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. КУДА ДВИЖЕТСЯ РОССИЯ?	345

Предисловие

«Главное, голубчики, не надо театральности... Прóсто все надо... Совсем просто...»

А. П. Чехов

Человеческая жизнь — это путешествие. Каждая остановка подкидывает нечто новое, учит и заставляет взрослеть.

На одной из остановок моей жизни под названием «Москва» я оказался свидетелем переломного момента в истории человечества и не смог остаться равнодушным перед бурлящим водопадом истории, поэтому вызвался промокнуть под ним.

Этим бурлящим водопадом оказалась война на Украине, ставшая неожиданностью и откровением. Она коренным образом перекроила мир.

Когда все началось, я оказался в России (в первую очередь, в Москве, но побывал и в других регионах) и познакомился с народом этой великой страны, которая оставила значительный след в истории благодаря своим революциям, мыслителям, писателям, технологиям, войнам (как внешним, так и внутренним), успехам и провалам. Я видел, как простые люди плачут и смеются, приобщился к их традициям, наблюдал за ходом войны и ее жертвами.

Вопрос «Куда же движется Россия?» интересует всех, так как ответ на него сможет прояснить и то, куда вынужден двигаться весь остальной мир.

Я задавал этот вопрос русским журналистам, политикам, деятелям культуры и искусства, философам и простым людям, придерживающимся разных политических предпочтений. Я брал большие интервью и интересовался прошлым, настоящим и будущим страны. Как иначе узнать о России, о том, каким из России кажется остальной мир, а также о мыслях и надеждах людей на ближайшие десятилетия?

Я искал ответ на вопрос «Какой путь изберет Россия в политической, социальной и культурной сферах во время великих перемен, которые сейчас происходят в мире?».

Я старался передать то, что видел, слышал и чувствовал. Получилась своеобразная фотография момента — сиюминутный кадр из развивающегося на наших глазах исторического процесса.

Я написал об этих уникальных мгновениях, стараясь оставаться честным перед собой и перед историей.

Эта книга — результат двухлетних расспросов и наблюдений.

Сложившийся ранее геополитический, финансовый и культурный миропорядок с центром на Западе сейчас в упадке. Правда и неправда, черное и белое — все, что проистекало из господствовавшего веками дуализма, занимает свое место на пыльных страницах истории. Но что будет дальше?

Начинает строиться новая реальность. И эта новая реальность будет многополярна, в ней никто не будет заставлять другого жить так, как тот не хочет, и все будут без колебаний делиться имеющимися у них культурными богатствами. И у России в этом процессе — самая важная и решающая роль.

29 ноября 2023 года.

Москва

Онур Синан Гюзалтан

I. МОСКВА, БЛИНЫ И ПРИЗНАКИ ВОЙНЫ С «БОГАМИ»

«Велика Россия, а отступать
некуда — позади Москва».

*В. Г. Клочков,
Герой Советского Союза*

Опять идет снег. Белые снежинки (ни одна не похожа на другую, все уникальны!) кружатся над столицей. Город, покоровшись самому холодному и, может, самому красивому времени года, наносит нежный белый макияж.

Посреди улицы, освещенной слабым светом фонарей, откуда-то с крыши падает огромная снежная масса. Немногочисленные прохожие меняют направление и, ускоряя шаг, идут на противоположную сторону улицы.

На крыше многоквартирного дома виднеется мужчина. Его смех эхом разносится по улице, и он кричит тем, кто стоит внизу:

— Посторонись.

Группа мужчин с лопатами в руках копошится вокруг сугроба. Проходя мимо, я невольно слышу, как они тихо говорят по-тюркски. Невысокий молодой человек, глядящий своими раскосыми глазами на снег, жалуется, что в прошлом месяце ему не удалось отправить домой необходимое количество денег. У него больная сестра, и эти деньги ей сейчас сильногодились бы. Остальные ворчат. Ворчание смешивается со скрежетом лопат.

Московские крыши, как бывает после каждого снежного дня, готовятся встречать ночь.

В столице за чистку снега, вывоз мусора, убралство улиц, другими словами, за все «тротуарные работы» отвечают выходцы из стран Центральной Азии. Россияне обычно не утруждают себя выполнением этих работ.

Уличный шум заглушает усиливающийся звон колоколов храма Никиты Мученика на Швивой горке, своими белыми стенами напоминающего крепость. История монастыря, закрывавшегося на некоторое время в советский период, восходит к 1400-м годам.

Русский писатель Александр Солженицын, которого очень любят на Западе и не очень лю-

бят в России, так описывает этот уникальный храм в своем произведении «В круге первом»:

— *«Бе же церковь та вельми чудна красотою и светлостию...»* — почти прошептала Агния, близко держась плечом к его плечу.

— *Какого ж она века?*

— *Тебе обязательно век? А без века?*

— *Мила, конечно, но не...*

— *Так, смотри!* — Агния натянутой рукой быстро повлекла Антона дальше — к паперти главного входа, вышла из тени в поток заката и села на низкий каменный парапет, где обрывалась ограда и начинался просвет для ворот. Антон ахнул. Они как будто сразу вырвались из теснины города и вышли на крутую высоту с просторной открытой галью. Паперть сквозь перерыв парапета стекала в долгую белокаменную лестницу, которая многими маршами, чередуясь с площадками, спускалась по склону горы к самой Москве-реке. Река горела на солнце. Слева лежало Замоскворечье, ослепляя желтым блеском стекол, впереди дымили по закатному небу черные трубы МОГЭСа, почти под ногами в Москву-реку вливалась блестящая Яуза, справа за ней тянулся Воспитательный дом, за ним высились резные контуры Кремля, а еще дальше пламенели на солнце пять червонно-золотых куполов храма Христа Спасителя.

Пока святой великомученик Никита столетиями продолжает наблюдать за Москвой со Швивой горки, Солженицын (да простит ему Бог и русский народ все грехи) смотрит на нее из своей могилы в Донском монастыре, расположенном в другом конце города.

Молодой священник в черной рясе быстро идет по улице. Сделав последнюю затяжку сигареты и поправив длинные, собранные сзади волосы, он входит внутрь храма через огромную дверь — на улицу тут же просочились запахи свечей и чтение молитв.

До встречи еще есть время, поэтому я решаю зайти в храм. Внутри стоят прихожане (большой частью — пожилые женщины) и слушают невидимое глазу чтение Священного Писания. На стенах висят иконы с изображениями святых, оберегающих простых смертных. Свет горящих свечей рассеивает темноту. Напряженное ожидание заканчивается, когда у врат отгороженной комнаты, из которой звучало слово Божье, появляется силуэт.

Внимательно приглядевшись, я понимаю, что силуэт — это молодой священник, который несколько минут назад курил на улице. Он быстро движется к собравшимся, распространяя во все стороны дым, поднимающийся из кадила. По мере его продвижения старухи неуверенно и неловко расходятся в стороны.

Как только он появляется перед ними, они склоняются так низко, как позволяют их старые тела.

Глаза молодого священника напоминают солнце, сверкающее на льду, и кажутся беспокойными. И не только беспокойными, но вместе с тем и чересчур сосредоточенными — из-за чего наводят на мысли о смерти.

Я оставляю странную, хотя по-своему домашнюю церковную службу и выхожу наружу. Снегопад прекратился. Но вскоре усилился ветер, из-за чего холод стал ощущаться сильнее. Люди постепенно исчезли с улиц.

Я еле иду, а чаще тихо скользя по редким горкам Москвы.

«Ресторан», где я встречу со своими друзьями-журналистами Василием и Анной, находится на противоположной стороне бесконечной и всеми покинутой улицы...

Буква «б» на висящей у входа неоновой вывеске «Блины» то гаснет, то снова загорается в такт порывам ветра. Как только я открываю дверь, в нос ударяет резкий запах водки, вареной картошки и блинов.

На пожелтевших стенах висят фотографии русской деревни и меню. За бесформенными деревянными столами сидит несколько людей с потемневшими лицами. Слева, за конструкцией, напоминающей барную стойку, на двух

больших плитах жарятся блины. Слышно, как на улице свистит ветер.

Мои друзья еще не пришли. Я размещаюсь за столиком у окна.

Через некоторое время за стойкой появляется блондинка лет пятидесяти с уставшим лицом. Она кричит, что суп и блины с сыром готовы, и швыряет тарелки на барную стойку. Сидящий за соседним столиком кудрявый пожилой мужчина с большим носом встает, чтобы взять еду, и тут с его столика рассыпается во все стороны мелочь.

Напротив сидит группа юношей и девушек лет двадцати. Они так увлеченно обсуждают российское кино, что постепенно их голоса заполняют собою все пространство. Голубоглазый мальчик с плоским, как уют, затылком рассказывает, как сильно его впечатлил документальный фильм об Алексее Балабанове:

— Он командует съемочной площадкой так, как будто командует армией. Какая безупречная дисциплина и какая простая манера рассказывать.

Мальчик делает глоток красного вина из стакана, предназначенного для воды.

Я кладу на стол старика монеты, которые закатились ко мне.

Дверь «ресторана» открывается. Входят двое мужчин, перешучивающихся на одном

из кавказских языков. Вместе с ними в «ресторан» проникают ветер, холод и пурга.

Есть такое народное предание: Бог ходил по свету с мешком наперевес и раздавал людям языки; когда он добрался до Кавказа, ему в мешок попала стрела, поэтому такое осязаемое количество непохожих друг на друга языков оказалось там. Учитывая, сколько разных кавказских языков я услышал в Москве, легко поверить в это предание.

Стряхнув с себя снег, кавказцы с улыбкой, обнажающей желтые зубы, здороваются с блондинкой с уставшим лицом. Глаза женщины, до этого пребывающей в, казалось бы, бесконечном дурном настроении, начинают сверкать, и она, хихикая, приветствует гостей.

Кавказцы садятся за столик подле старика. Один из них, чьи зубы желтее, достает из куртки бутылку водки и гордо ставит ее на стол.

Блондинка выпархивает из-за барной стойки и быстро накрывает им на стол: оливье, вяленая рыба, вареная картошка, бесформенные сосиски, несколько ломтиков хлеба и два стакана воды... Звон опускающейся на стол посуды дополняет симфонию «ресторана».

Одинокий старик одним махом доедает суп и приступает к блинам, запивая их чаем. Через некоторое время он замечает монеты, которые я положил на край его стола, благодарит меня